

2001

Heidelberger Publikationen zur Slavistik
A. Linguistische Reihe · Band 13
Hrsg.: Baldur Panzer

Gerhard Ressel (Hrsg.)

A. S. Puškin und die
kulturelle Identität Rußlands

Sonderdruck 2001

PETER LANG

Europäischer Verlag der Wissenschaften

Елена В. Падучева

Русский литературный язык до и после Пушкина

Пушкин считается основоположником русского литературного языка, и никто не сомневается, что это так и есть. Но как это обосновать? Какая, вообще, может быть схема ответа на этот вопрос?¹

Самый простой способ – отвечать „в лоб“. А именно, следующим образом. Надо выявить „дифференцирующие параметры“ – точки, в которых фиксируется различие между языком допушкинской эпохи и современным русским литературным языком. И если, действительно, верно, что современный русский язык начинается с Пушкина, то окажется, что в большом числе таких точек изменение локализуется именно в Пушкине; что Пушкин писал если не в каждом, то во многих из этих пунктов, не так, как писали до него, а мы сейчас говорим и пишем так, как Пушкин.

Есть и более сильный тип аргумента. Имеется целый ряд случаев, когда у более поздних авторов (таких, как Лермонтов, Гоголь, Герцен, Достоевский, Толстой) дифференцирующий параметр принимает допушкинское значение, а мы сейчас говорим по Пушкину. И это самое интересное. Видимо, здесь можно говорить, что Пушкин угадал тенденцию развития языка, которая впоследствии одержала верх.

Нужные „дифференцирующие параметры“, т.е. точки дифференции, представления разных хронологических периодов развития русского литературного языка (своего рода диахронические изоглоссы), лингвистами так или иначе выявлены. Для нашей задачи не требуется даже, чтобы были учтены все такие точки – важно принять во внимание достаточно большое их число.

¹ Такой вопрос поставил передо мной Джорджио Циффер, сотрудник кафедры славянских языков Университета города Удине, Италия, когда я читала лекции по языку русского нарратива в этом университете. У меня было несколько частных соображений по этому поводу. Приглашение профессора Герхарда Ресселя участвовать в конференции, посвященной 200-летию Пушкина, заставило меня более основательно включиться в эту проблематику.

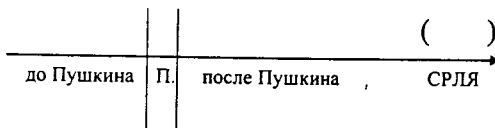
1. Грамматика и лексика

Язык можно, в первом приближении, считать состоящим из грамматики и лексики. В данной работе речь идет только о грамматике. Во-первых, с лексикой, при выбранном подходе, трудно иметь дело, поскольку она практически необозрима. Во-вторых, в связи с темой „Пушкин и лексика русского языка“ традиционно обсуждается, как правило, сознательная языковая деятельность – позиция, которую занимал Пушкин в борьбе западников и славянофилов по вопросу о церковнославянизмах (разной на разных этапах эволюции самого Пушкина) (см. об этом в Успенский 1984); борьба Пушкина с литературными нормами „языка светской дамы“ (см. Виноградов 1935); отношение Пушкина к стилистическим системам Полевого и Сенковского, и т.д. Лексика является главным предметом внимания в двух книгах В. В. Виноградова: „Язык Пушкина“ (Виноградов 1935), и „Стиль Пушкина“ (Виноградов 1941).

В грамматике чаще всего выбор писателем того или иного из сосуществующих вариантов – будь то форма (в морфологии) или конструкция (в синтаксисе) – происходит на бессознательном уровне, и предпочтение означает угадывание подспудных тенденций развития языка.

Перечень грамматических точек дифференции мы почерпнули из курса истории русского литературного языка первой половины XIX века (см. Булаховский 1954).

Итак, рассматриваются проекции русского литературного языка на следующие временные отрезки (стрелка обозначает ось времени; сокращения: П. – эпоха Пушкина; СРЛЯ – временной отрезок, к которому приурочен современный русский литературный язык):

Разумеется, современный русский литературный язык в грамматическом отношении отличается от языка Пушкина. Зная стихи Пушкина с детства, мы иногда неправильно понимаем те или иные строки, и эти ошибки возникли именно вследствие того, что мы, читая Пушкина, исходим из предпосылки, что его язык такой же, как наш собственный. В этом отношении Пушкин отличается от Грибоедова или Крылова, которые очевидным образом архаичны. Архаизмы этих авторов нас не удивляют.

Приведем два примера широко распространенных ошибочных пониманий пушкинских строк, взятые из Еськова (Еськов 1999: 54, 108).

В примере (1) после *грозою* обычно ставят точку, так что краткое причастие *выброшен* понимается как предикативная форма (для современного языка – единственная возможность); между тем, у Пушкина в этом месте стоит запятая, и дальше идет строка *Певцам я пел*, которая и содержит нужную финитную форму, а *выброшен* сказуемым не является:

- (1) Погиб и кормщик и пловец! –
Лишь я, таинственный певец,
На берег *выброшен* грозою (Арион).

В примере (2) по нормам современного языка *решит* – это форма совершенного вида будущего времени; между тем на самом деле *решит* – это форма настоящего времени в значении настоящего исторического, о чем свидетельствует контекст предшествующего глагола настоящего времени *хочет* и последующего *сулит*:

- (2) Мечтанья страшного значение
Татьяна хочет отыскать.
[...] Ее сомнений
Мартын Задека не решит;
Но сон зловещий ей сулит
Печальных много приключений (Евгений Онегин, 5. XXIV).

Пушкин имел по поводу спряжения глагола *решать* – *решить* теоретическую установку:

„У нас многие [...] спрягают *решаю, решаешь, решает, решаем, решаете, решают*. Вместо *решу, решишь* и проч. *Решу* спрягается как *грешу*“ (цитируется по Словарю языка Пушкина в четырех томах, Москва 1959, т. 3: 1016).

Словарь свидетельствует, однако, что Пушкин практически употреблял глагол *решать* во всех формах, которые отвергал теоретически.

Глагол *мочь*, по-видимому, употреблялся во времена Пушкина аналогично глаголу *решить*, т.е. был до некоторой степени двувидовым: формы будущего времени несовершенного вида (**буду мочь*) не было – как и сейчас. А совершенный вид *смог* в прошедшем времени употреблялся редко; обычно *мог* стоит там, где сейчас мы бы употребили *смог*:

- (3) Корсаков [...] насилу мог туда пробраться сквозь беспрестанно движущуюся толпу (Пушкин. Арап Петра Великого).
(4) Ибрагим, оставшись наедине, едва мог опомниться; глаза его потемнели, голова закружилась, он едва мог выйти из комнаты (Пушкин. Арап Петра Великого).
(5) Темнота приближающейся ночи могла избавить меня от всякой опасности (Пушкин. Капитанская дочка).
(6) В такой альбом, мои друзья,
Признаться, рад писать и я,
Уверен будучи душою
Что всякий мой усердный вздор
Заслужит благосклонный взор,

- И что потом с улыбкой злою
 Не станут важно разбирать,
 Остро иль нет я мог соврать (Евгений Онегин, 4. XXIX).
- (7) Другой увлек ее вниманье,
 Другой успел ее страданье
 Любовной лестью усыпить.
 Улан *умел* ее пленить (Евгений Онегин, 7. VIII).

В более позднем языке совершенный вид *сможу* занимает законное место в системе для обозначения наступления нового состояния, сдвигающего текущий момент текстового времени вперед.

Таким образом, установка на полное тождество языка Пушкина современному приводит к заблуждениям. Интересно, однако, что она имеет место.

2. Некоторые различительные точки

Ниже перечисляются фигурирующие в учебниках по истории русского языка „дифференцирующие параметры“ – точки, в которых фиксируется различие в грамматике между языком допушкинской эпохи и современным русским литературным языком. Сравнивается значение, которое принимает этот параметр у Пушкина и у других авторов. Примеры не из Пушкина, в основном, взяты из Булаховского (Булаховский 1954).

Конструкция с прилагательным, подчиняющим союз *чтобы*, – „слишком А-ный, чтобы V-ить“ – современниками Пушкина воспринималась как галлицизм, а впоследствии вошла в язык; у Пушкина она вполне употребительна:

- (8) Сильвио был *слишком* умен и опытен, *чтобы* этого не заметить (Выстрел).

Напротив, конструкция *Accusativus cum Infinitivo*, исчезающая в современном языке, у Пушкина не засвидетельствована; между тем:

- (9) Я полагала *вас далеко от Москвы* (Грибоедов. Горе от ума).

Конструкция с деепричастием, у которого подразумеваемый субъект не совпадает с подлежащим, как в чеховском „подъезжая к станции, у меня упала шляпа“, широко используется современниками Пушкина и после Пушкина:

- (10) *Не шевеля* почти и поводов, Конь *слушался* его лишь слов (Крылов. Конь и всадник, 1814 г.);

Пройдя таким образом немного более двух верст, *слышится* что-то похожее на шум падающих вод (Лермонтов. Вадим);

Возвращаясь от обедни [...], утомление усыпило его (Вельтман, 1846 г.);

Проезжая на возвратном пути [...] знакомую березовую рощу, у меня голова закружилась (Тургенев, 1849 г.);

Действуя же бургонским точно таким же образом, [...] результат выходит совсем иной (Герцен, 1846 г.).

У Пушкина такой оборот встречается, в основном, в безглагольном варианте, когда его можно считать за обособление:

- (11) *Потомок предков благородных,
Увы, никто в моей родне
Не шьет мне даром фраков модных
И не варит обеда мне* (Жалоба, 1922 г.).

Показательно упоминание Л. А. Булаховского о том, что Пушкин изгоняет абсолютную конструкцию из „Евгения Онегина“ во 2-м издании. Первоначально было:

- (12) [...] *две ножи,
Грустный, охладельй,
И нынче иногда во сне
Они смущают сердце мне.*

В окончательном варианте, как мы знаем, у Пушкина этой конструкции нет: *Грустный, охладельй, я все их помню.*

Отдельные употребления Пушкиным абсолютной конструкции, все-таки, зафиксированы:

- (13) *Воспитанная* в аристократических предрассудках, *учитель был для нее род слуги или мастерового* (Дубровский).
(14) *Читая Шекспира и Библию, святой дух иногда мне по сердцу*, но предпочитаю Гете и Шекспира (Пушкин. Переписка; цитируется по Виноградов 1935: 105).

Что касается деепричастия в значении подчиненного сказуемого, сейчас полностью исчезнувшего в русском языке, то у Пушкина эта конструкция не встречается, тогда как у его современников она была еще вполне употребительна:

- (15) Тут старосту *лизнув Лев* милостиво в грудь, [...] *Отправился* в дальнейший путь (Крылов. Рыбья пляска);
Глядя епископ на пепел пожарный, *Думает*: „Будут мне все благодарны“ (Жуковский, 1831 г.).

Бессвязочные причастия на *н/т* в современном русском литературном языке имеют только стательное значение (см. Маслов 1983, Падучева 1998). У современных Пушкину и даже более поздних авторов событийное значение этой конструкции вполне допускается (см. примеры Булаховский 1954: 316, раздел „Об опущении связки *был* в формах страдательного залога“):

- (16) Молодой Корсунский *просил* благословения у матери. Ответ *получен* и очень длинный (Ушаков, 1837 г.);

Эта драгоценность *была* мундирный сюртук князя Александра, в котором он *ранен* в Бородинском сражении (Ушаков, 1837 г.);

Расстройство, в котором *найден* ими имение, и наступившая весна *требовали* хозяйственной деятельности (Панаев, 1841);

Ледяной дом *рухнулся*; уцелевшие льдины *развезены* по погребам (Лажечников, 1835 г.).

Последний пример взят из эпилога романа; *развезены* понимается в стальнойном значении (как 'были развезены и сейчас там находятся'), которое допустимо и сейчас. Остальные употребления в современном языке невозможны.

В сочинениях Квитко-Основьяненко и Сухова-Кобылина Булаховский фиксирует „опущение связки“ вплоть до 1955 года. Из-за „опущенной связки“ школьники, которые учат стихотворение Лермонтова „Бородино“, вопреки всякой логике, воспринимают разговор молодого солдата со старым как происходящий во время пожара в Москве, поскольку в современном языке значение у причастия на *н/т* при отсутствии связки только стальное, т.е. *отдана* понимается как состояние, актуальное в момент речи:

Скажи-ка дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром
французу *отдана* (Лермонтов, Бородино).

У Пушкина употребления причастия на *н/т* без связки встречаются, но всегда допускают понимание в стальном значении; в примерах из (176), со связкой, причастие обозначает предшествующее событие:

- (17а) И ревом скрипок *заглушен*
Ревнивый топот модных жен (Евгений Онегин, 1. XXVIII);

вдруг Евгений

Хватает длинный нож, и вмиг

Повержен Ленский (Евгений Онегин, 5. XXI);

Ее наперсница родная

Судьбою вдаль *занесена*,

С ней навсегда *разлучена* (Евгений Онегин, 7. XIII).

- (17б) О нет! недаром жизнь и лира
Мне *были* *вверены* судьбой (Козлову, 1925 г.);

Почтенный замок *был* *построен*

Как замки строиться должны (Евгений Онегин, 2. II.1).

Известное синтаксическое явление в славянских языках – замена винительного и именительного падежа на родительный в контексте отрицания (*получил письмо – не получил письма; письмо пришло – письма не пришло*). Отрицание, стимулирующее мену падежей, может стоять даже не при самом глаголе, непосредственно подчиняющемся дополнению, а занимать бо-

лее высокую позицию (*не могу скрыть правды*). На протяжении истории русского языка можно наблюдать тенденцию к сужению сферы обязательности этой замены. Однако у современников Пушкина эта конструкция еще сохраняет полную силу:

- (18) Но не владев собою,
Не в силах учредить моих полков я к бою (Озеров, 1807 г.);
 Да дня такого нет,
 Чтоб не боялась ты за ужин иль обед
 В курятнике оставить *шкура* (Крылов);
 Истратить одного червонца ты не волен,
 Пока в реку не бросишь *кошелька* (Крылов);
 Нельзя ль *маршрута* показать (Жуковский);
Не желай дерзновенно знать тайны,
 Им мудро от нас сокровенной (Жуковский);
 Но *неспособен* зорким взглядом
Приманок света различать (Жуковский);
 Поварня, *какой*, право, и в Петербурге *не у всякого* большого барина
увидишь (И. М. Долгорукий).

Особенно показательна настоящая необходимость в родительном падеже в контексте отрицания у Гоголя:

- Если *не согласитесь* отдать руки вашей, то застрелюсь (Гоголь. Ревизор, 1-я редакция);
 Если вы *не согласитесь* отдать руки Марьи Антоновны, то застрелюсь (Гоголь. Ревизор, 1-я редакция);
 Я вам даже *не советую* дороги *знать* к этой собаке (Гоголь. Мертвые души, 1942 г.).

В языке Пушкина наблюдается сильная тенденция к сохранению винительного и именительного падежа:

- (19) Он объявлял им, что *нога* его *не будет* никогда в их доме (Метель);
 [...] и совершенно замешался, *что* отроду со мной *не случилось* (Арап Петра Великого).

Известна полемика Пушкина с редактором по поводу фразы в „Евгении Онегине“ *Два века ссорить не хочу*. Пушкин пишет:

- Я не могу вам позволить начать писать [...] стихи, а уж конечно не стихов.*
 Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю эту цепь глаголов и отозваться на существительном? (цитируется по Словарю языка Пушкина, т. 4: 1004).

Употребление родительного падежа, как правило, семантически обосновано – например, род. падеж может иметь партитивное значение:

- (20) Я решительно *не хочу* выносить *сору* из Михайловской избы;
 Если он [Нащокин] умрет, *не с кем* мне будет в Москве молвить *слова* живого, т.е. умного и дружеского (письмо А. Н. Верстовскому, 1830 г.);

Ничто так не воспламеняет любви, как ободрительное замечание построннего (Арап Петра Великого).

Пример (21) можно истолковать как сознательную архаизацию, поскольку это речь персонажа:

(21) *Не дай ты Наташеньки в когти черному дьяволу (Арап Петра Великого).*

3. Согласование связки в биноминативном предложении

Последний из дифференцирующих параметров при сравнении языка Пушкина с современным нам хотелось бы рассмотреть более подробно – это согласование связки в биноминативном предложении, т.е. в предложении, где оба главных члена выражены именительным падежом. Грамматическую трактовку этой конструкции до сих пор нельзя считать устоявшейся. Отчасти дело, видимо, в том, что сама конструкция находится в процессе движения, которое еще не дошло до конца. Мы будем ориентироваться на анализ, предложенный в Падучева / Успенский (1997).

В биноминативном предложении не всегда различается подлежащее и сказуемое; всегда различается только Тема и Рема (соответственно, Тематический и Рематический компонент). Тема может быть начальной, как в (1а), и конечной безударной, как в (1б)²:

(1) а. Шаховской/ был посредственный\ поэт; б. Посредственный\ поэт был Шаховской ∪.

а. Фужере/ был хозяин\ этого дома; б. Хозяин/ этого дома был Фужере\.

В современном языке согласование связки в биноминативном предложении определяется сложными правилами, которые могут приходить в конфликт друг с другом, и тогда биноминативная конструкция избегается вообще, заменяясь на конструкцию с творительным падежом.

Ниже приводятся правила согласования связки в биноминативном предложении, сформулированные в Падучева / Успенский (1997). Мы покажем, что по каждому пункту этих правил Пушкин выбирает решение, которое соответствует нормам современного языка, а, скажем, и Жуковский и Толстой оба дают отклонения от современной нормы.

ПРАВИЛО 1. Пауза перед компонентом исключает его из согласования, т.е. связка согласуется с оставшимся.

(1) Поза моя была – смирение.

² Здесь и ниже / \ – знаки, соответственно, восходящего и нисходящего фразового ударения; ∪ обозначает отсутствие фразового ударения.

Очевидное нарушение этого правила в следующем отрывке из Цветаевой, где связка согласуется с компонентом, отделенным паузой:

(2) Самое страшное были – (Бесы).

У Пушкина согласование соответствует современной норме (и данному правилу); так, в (3) очевидная пауза перед *честь*:

(3) Другой был клад невозвратимый
Честь дочери моей любимой (Полтава).

ПРАВИЛО 2. Слова *это, то, кто* исключаются из согласования, т.е. связка согласуется с оставшимся, независимо от возможного членения предложения на подлежащее и сказуемое.³

Иначе можно сказать, что слова *это, то, кто* имеют позиционный род (синтаксический), заимствованный от другого компонента предложения, так что род компонентов всегда совпадает (средний род местоимений *это, то* игнорируется). Аналоги этого правила есть во многих языках, ср. морфологический согласовательный род у лат. *hic, haec, hoc* или у указательных местоимений в современном итальянском языке:

(4) *Questo è papa; Questa è mamma.*

Пушкин следует именно Правилу 2:

(5) Ах, витязь, *то была* Наина;
То были двух бесов изображенья.

Между тем у Жуковского другое согласование:

(6) *То явно было* не случай (Жуковский. Ундина, 1836).

По современным нормам надо сказать, в соответствии с Правилем 2:

То явно был не случай.

Следующие два правила согласования учитывают членение предложения на Тему и Рему, а также характер смысловой связи между компонентами.

ПРАВИЛО 3. Если между двумя компонентами есть отношение предикации (т.е. в предложении различаются подлежащее и сказуемое), то, независимо от порядка слов, согласование с подлежащим, независимо от его тематического или рематического статуса.

Поразительным образом, Пушкин следует Правилу 3, см. ниже пример (7), тогда как и у современников Пушкина и даже у Толстого оно сплошь и рядом нарушается, пример (8):

(7) И неподкупный *голос* мой
Был эхо русского народа (Пушкин. На лире скромной, благородной, 1919);

³ Интересно, что местоимение *что*, которое не подчиняется этому правилу, в прошедшем времени не допускает биноминативной конструкции вовсе; можно сказать *Что есть истина*, но нельзя **Что была причина?*, надо сказать – *Что было причиной?*

Для старика *была* закон
Ее младенческая *воля* (Пушкин. Бахчисарайский фонтан).

- (8) Я пошел путем-дорогой –
Вера был вожатый мой (Жуковский, 1809);
И для меня в то время *было*
Жизнь и поэзия одно (Жуковский. Я музу юную, 1823);
Классицизм, против коего ныне все возопияли, *было* дело весьма удобное (В. Ушаков, 1929);
Последние *числа* октября *было* время самого разгара партизанской войны (Толстой);
Свадьба Наташи *было* последнее радостное событие в старой семье Ростовых (Толстой);
Многое из этого было правда (Толстой).

Булаховский (1954: 322) приводит следующую полемику между Писаревым и Чернышевым. Писарев осмеял некоего автора за предложение

- (9) *Белинский была* замечательная личность.

Чернышев вступает за автора, говоря: „вообще у нас допускается согласование связки *был, была, было* как с подлежащим, так и со сказуемым существительным“. Данные современного языка подтверждают правоту Писарева: Если в биномативном предложении можно различить подлежащее и сказуемое – а в (9) это так и есть, – связка согласуется с подлежащим.

В примере (10) согласование соответствует Правилу 3, хотя биномативное предложение звучит здесь архаично:

- (10) Красавицы недолго были
Предмет его привычных дум (Евгений Онегин).

ПРАВИЛО 4. Если между Тематическим и Рематическим компонентами отношение не предикации, а идентификации, связка согласуется с идентифицирующим компонентом, т.е. с Рематическим.⁴

- (11) *Единственный*, кто стал на нашу сторону, *была* Варвара;
На удивление всем приедем, *начальник* станции *была* женщина;
Первое *лицо*, которое он увидел, *была* Наташа;
Все его *выступление* *была* сплошная ложь.

Легко доказать, что в (11) действует отдельное Правило 4, а не согласование с рематическим подлежащим по Правилу 3; дело в том, что в (11) компоненты нельзя поменять местами, а в предложении, где есть подлежащее и сказуемое, этого не может быть:

- (11') *Варвара была единственный, кто стал на нашу сторону;
*Женщина ['a woman', не 'the woman'] была начальник станции.

⁴ Влияние отношения идентификации на согласование связки было установлено в Арутюнова (1976).

Иначе говоря, в предложении, где действительно различаются подлежащее и сказуемое, согласование не может зависеть от порядка слов, см. пример (7).

Опять-таки, поразительным образом оказывается, что это правило согласования умеет применять и Пушкин. Так, в примере (12) таксономическая идентификация (см. Арутюнова 1976: 233), и связка, в соответствии с Правилom 4, должна согласовываться с Ремой – что и имеет место:

- (12) Первый предмет, поразивший меня, *была береза* (Пушкин. Письма);
Самый неприятный анекдот *было то, что сломались у меня колеса*
(Пушкин. Письма).

4. Заключение

Краткое заключение, которое можно сделать на основании рассмотренного материала, таково. Пушкинская речь по своей грамматике во многих отношениях ближе к нынешнему языку, чем современные Пушкину и даже более поздние авторы. Трудно сказать, почему вошли в русский язык именно те из вариантов меняющейся нормы, которые в свое время предпочел Пушкин. Был ли это феномен пушкинского языкового чутья, т.е. Пушкин угадал тенденцию развития, или, наоборот, литературная норма ориентировалась на Пушкина – неизвестно, скорее, все-таки первое. Но факт остается фактом.

Литература

- Аругтонова, Нина Д. (1976): Предложение и его смысл. Москва.
- Булаховский, Леонид А. (1954): Русский литературный язык первой половины XIX века. Издание 2-е. Москва.
- Виноградов, Виктор В. (1935): Язык Пушкина. Москва.
- Виноградов, Виктор В. (1941): Стиль Пушкина. Москва.
- Еськова, Наталья А. (1999): Хорошо ли мы знаем Пушкина? Москва.
- Маслов, Юрий С. (1983): Результатив, перфект и глагольный вид. // Типология результативных конструкций. Отв. ред. В. П. Недялков. Ленинград. 149–160.
- Падучева, Елена В. / Успенский, Владимир А. (1997): Биноминативное предложение и проблема согласования связки. // Облик слова. Сборник статей памяти Д. Н. Шмелева. Под ред. Леонида Крысина. Москва. 170–182.
- Падучева, Елена В. (1998): Вид и время русских причастий на Н/Т. // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. Под ред. Алексея А. Гиппиуса и др. Москва. 294–305.
- Успенский, Борис (1984): Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). Москва.